

УДК 167.7

А.П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***О МНОГОГРАННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ**

Анализируются основные тенденции развития теоретических и методологических установок гуманитарного знания в XIX — начале XXI вв. в области философии истории: от линейной экстраполяции к многомерному анализу.

Ключевые слова: *теория и методология философии истории, линейный детерминизм, многомерная логика.*

Происходящий на наших глазах исторический сдвиг, затронул различные стороны общественного, группового и индивидуального существования человека. Поэтому, неизбежно возникнув, «историческая турбулентность» всколыхнула, казалось бы, утихшие историко-философские дискуссии вокруг вопроса об объективности исторического процесса, релевантности методологического обеспечения исторического познания, в частности конкретной оценки теоретических и эмпирических возможностей науки строить те или иные понятийные конструкторы социального прогнозирования.

Вынесенные и утвердившиеся научные выводы, утрачивают свою мнимую незыблемость, с одной стороны, подтверждая прочность принципа научного релятивизма, с другой — невольно подвигают общество в целом и его отдельные властные центры на осуществление режима «свободного исторического полета», едва подкрепляемого той или иной формой интуитивизма. По сути, казалось бы, происходит подтверждение известного вывода немецкого философа Ясперса о том, что подлинные смыслы истории недоступны человеку, поскольку их глубина несоизмерима с глубиной человеческих замыслов и их реализацией, но агностицизм Ясперса носит очень специфический оттенок и приобретает внешнюю выраженность в виде принципа «осознания незнания», когда натолкнувшись на ограниченность своего мышления, человек проникает все же в тайны своего исторического бытия через незнание, растворенное в экзистенциальном акте веры. Свои рассуждения о человеке, человечестве и всемирно-историческом процессе немецкий философ заключает утверждением о том, что завершеного целостного понимания истории не может быть в принципе, а возможна лишь ситуативно-фрагментарная фиксация происходящего, которая никогда не достигает завершенности. [1, с. 272].

В какой-то мере это обстоятельство отвечает за то, что в обществе снова проснулся интерес к содержанию принципа объективности истории, который альтернативен уже упомянутому тезису Ясперса. Сам по себе возврат к признанию наличия внешней детерминации исторических перемен не нов — можно даже представить себе некое циклично пульсирующее соотношение внутренних и внешних начал истории, выводя его еще из работ Геродота и заканчивая, например, К. Поппером.

Очевидно, что взять «историческое» в широком временном интервале в рамках академической статьи невозможно, поэтому ограничим аналитический материал обсуждения работами авторов XIX и XX веков. В качестве условной исходной теоретической позиции можно считать «логический квадрат», персонализируемый творчеством Канта, Гегеля, Фейербаха и Маркса. С известными оговорками немецкие мыслители смогли примерно к середине XIX в. создать более или менее полный альтернативный перечень концептуальных истолкований позитивной истории человечества (о негативном истолковании истории, идущем от Августина Блаженного, мы не говорим). Действительно, кантианский и гегелевский идеалистические тезаурусы и материалистический подход Фейербаха и Маркса, к пониманию и объяснению истории создали ощущение очевидной непродуктивности поиска каких-то иных концептуальных построений, т.е. в пределах классической парадигмы гуманитарного знания предел развития был нащупан.

Поэтому неслучайно начало XX было озаглавлено поисками Г.Риккерта границ естественнонаучного образования исторических понятий, т.е. решение вопроса о сущности истории было перенесено из смыслового поля классической философии в область инструменталистского логического обоснования эмпирически значимых процедур подтверждения денотата и концепта базовых понятий истории. Пытаясь четко обозначить границу заявленной новизны, Риккерт, впрочем, как и другие представители баденской школы неокантианства, был вынужден раздвоить окружающий нас мир на сферу действительности, где работают номотетические правила знания, и сферу ценностей, подчиненную идеографическим правилам. Сам по себе принцип отчленения естественного и гуманитарного знания может по-разному отображаться в тех или иных теоретических и методологических построениях, но объективное содержание задач, стоящих перед наукой, требовало сблизить указанные подходы. Так, например, П.Эткинс попытался объяснить общую для всех форм материи, включая жизнь и социальные процессы, черту, а именно:

формулирование структурно упорядоченных способов существования, берущих свое начало из второго правила термодинамики [2, с. 181].

Но обозначив проблему, П. Эткинс круто меняет направление мысли и начинает рассуждать о превратностях «энтропийного» кризиса цивилизации, однако попытка нащупать в окружающем мире общую черту в виде структурного единства, включая и историческую компоненту, присутствует [2, с. 224].

Разъединяя науки о природе и науки о культуре, теоретическая мысль начала XX века вроде бы обрела нейтральный и в тоже время достойный облик научно-просветительского направления. Но реальность оказалось жестче. Конец классического новоевропейского философского периода и наступление этапа неклассической философии было бы неверно связывать только с возникновением направлений постпозитивизма, феноменологии, герменевтики, постмодернизма и т.п. Тогда возникло бы искушение растворить содержание куновской парадигмы, отражающей и временной и концептуальный сдвиг европейской науки XX-XXI вв., в содержании того или иного из указанных направлений.

Обретение многомерного отображения истории не стоит сводить лишь к проблеме многомерности фиксации результатов истории. В этом случае мы только расширяем рамки исторической прагматики и общая пессимистическая оценка истории Ясперса, с которой мы начали изложение, остается неприкосновенной.

Гораздо продуктивней четко различать в системе модальных и многозначных логик два не всегда совпадающих друг с другом сущностных пласта истории: факты бытия и факты сознания. Представляется действительно сложным не столько установить момент их несхожести, сколько конструктивно зафиксировать их различия, т.е. провести структурно-функциональную квалификацию, учитывая то обстоятельство, что подобные процедуры нужно будет осуществлять многократно и в разных хронологических и дисциплинарных сечениях, то задача выглядит достаточно сложной, но принципиально решаемой.

Первыми осознали опасность конечных определений постпозитивисты, чуть позже к ним присоединятся феноменологи. Они обратили внимание на то, что далеко не все из существующего ложится на язык формулировок. Однако они попробовали это выявить и описать, хотя за их плечами уже просматривались грозные контуры тютчевского обережения: «...и мысль нетленная в чертог теней вернулась». Постмодернизм, сказавшись в указанной гносеологической ситуации, поступил не мудрствуя лукаво, а именно: объял все сущее принципом «наблюдение с поверхности».

Не исключено, что именно это обстоятельство вызвало законное негодование у современных интеллектуалов, и нобелевский лауреат по физике, создатель теории объединения двух фундаментальных типов взаимодействия С. Вайнберг, в своем труде «Мечты об окончательной теории» специально обозначил седьмую главу довольно хлесткой фразой – «Против философии». В ней автор приходит к выводу о «непостижимой неэффективности философии», которую он противопоставляет «чудовищной продуктивности математики» [3, с. 132-133].

Перед нами более чем прозрачный намек на необходимость возврата на прочную основу индуктивного метода, восходящий к ньютоновскому девизу: «Гипотез не измышляю». Он кажется еще более привлекательный потому, что непосредственно соединяет чистоту собственно теоретического языка науки с экспериментом и наблюдением, обогащенными еще и экстралогическими соображениями красоты и простоты. Таким образом, теоретическое научное знание защищает себя от проникновения «удушающей метафизической философской дидактики», например в лице П. Фейерабенда, и обретает, наконец, желанную свободу. Однако только что рожденный оптимизм наталкивается на едкий вопрос М. Вартофского: «Найдите ученого, который считает возможным вести свое исследование без какого-либо обращения к метафизике?» [4, с. 85].

Таким образом, классические построения философии, взятые в разных комбинациях, вплоть до их полного «растворения» в воздухе современной гуманитарной культуры, вновь обретают собственное значение и, пусть не всегда очевидно, но способствуют воспроизводству связи интеллектуального опыта прошлого и настоящего.

Столь пространное вступление только и делает относительно понятным обращение к двум разнонаправленным попыткам теоретически «освоить» историческое пространство и время, предпринятых XX веком. Речь идет о творчестве А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилева.

Их идеи отстоят друг от друга настолько далеко, насколько это вообще в принципе возможно, что позволяет предельно отчетливо увидеть контуры религиозно-философского, классически гуманитарного в своей основе замысла А. Дж. Тойнби и подчеркнуто естественного начала концепции Л.Н. Гумилева. Перед нами вырисовывается почти модельная ситуация Ч. Сноу относительно двух типов культуры, представленная в виде двух расходящихся понятийных цепочек. У Тойнби этот понятийный ряд универсально вбирает в себя непрерывность жизни, заданной Творцом, с устремлениями к современной релятивистской теории. Возникающее здесь методологическое затруднение – осуществить синтез принципов дискретности и непрерывности – разрешается путем принятия особой концепции времени, в рамках которой прошлое и настоящее совмещались. Аккумуляция содержания исторического времени –

главная задача исторической памяти. Здесь А. Тойнби несколько неожиданно связывает течение истории с функционированием культурной памяти через отношение времени к биологической, а затем и социальной эволюции в духе Тейяра де Шардена. Этот методологический пируэт нужен А. Тойнби для того, чтобы показать неоднозначность и формы и содержания системы «Вызов-Ответ». Заметим, что социологические аналитики, предпринятые А. Тойнби для иллюстрации динамики системы, оказались неудачными, во всяком случае, они слабо сочетались с исторической конкретикой, что впрочем, не помешало попытаться «освоить» более высокую, нежели социологическая, реальность, а именно: обратиться к анализу влияния на историю Логоса, в диалоге с которым происходит контакт цивилизаций с божественным промыслом. Автор «Постижения истории» этот диалоговый механизм, соединяющий человека с Логосом, использует как главный инструмент объяснения причин исторической изменчивости локальных цивилизаций, каждая из которых – это вехи времени, а отнюдь не замкнутые сгустки истории. В конкретно-исторической иллюстрации своей концепции А. Тойнби порою поразительно небрежен и на это обстоятельство было обращено внимание [5, с. 174], но главное заключается в другом: А. Тойнби сумел увидеть моменты надлома цивилизаций. Ответственность за наступление надлома английский историк возложил на Власть, которая в диалоге «Вызов-Ответ» теряет свое влияние на общество, что неизбежно оканчивается катастрофической потерей инициативы.

Власти, уверен Тойнби, трудно удержаться в заданных политическими программами рамках. Дело в том, что структурированность общества, как накопленная аккумуляция всей массы содержания предшествующего этапа развития, и структура содержания предлагаемого управленческого проекта обусловлены процессами разной природы. Если первое выступает как способ обобщения онтологических и гносеологических усилий, пытающегося проникнуть в сущностное измерение истории человека, то второе – это лишь рационализированный слепок политической конъюнктуры, по-разному понимаемой представителями разных политических элит. Вот почему Тойнби склонялся к отрицательному восприятию возможности человека проникнуть в сущностную глубь истории. Всякий раз, сталкиваясь с непостижимой глубиной и замысловатостью божественного Логоса, облеченной в разные версии Вопросания, люди теряют нить, ведущую к определенности Ответа. И тогда обнаруживается действительная задача Тойнби, сводящаяся к поиску исторической альтернативы.

Задача настолько масштабная, что она приглушает недоумение перед специфической, если не сказать более, терминологией историка, заставляет смиряться, например, перед сравнением античной Спарты с веймарской республикой в Германии XX века. Для Тойнби главным является поиск универсального закона развития общества, который проходит стадии генезиса, роста, надлома и разложения. Здесь А. Тойнби обнаружил методологический тупик, из которого ему уже не суждено было выбраться. Понимая феномен «цивилизация», как способ исторического запечатления разворачивающегося диалога «Вызов-Ответ», Тойнби надо было выбирать какой-то один путь: то ли искать единый, общий для всего исторического времени, способ предъявления и реализации воли Творца и тогда в каждой исторической эпохе отличать присущее ей не только специфическое понимание этой воли (речь идет о возвращении к основам понимания исторического времени, заложенным еще Августином в его трактате «О Граде Божиим»), то ли пускаться во все тяжкие по неверным путям конкретно-исторического классификаторства, при реализации которого неизбежно должны были появиться самые замысловатые построения. По этой дороге и двинулся А. Тойнби, выделив и описав 21 цивилизацию. Поразительный успех историка-исследователя, принесший ему сомнительные лавры в виде звания «историка-эссеиста», которое прочно вошло в традиционный оборот науки XX века. Стараясь сохранить реноме, Тойнби чуть позже «умертвит» 8 цивилизаций, но переливающимися историческими «подробностями» картина уже была создана и заслонила собою мотив ее создания. В результате А. Тойнби застыл на методологическом перепутье: ему не суждено было стать Аврелием Августином XX века, т.е. воплотить эсхатологический методологический стереотип «Ответа» нашего времени, и инструментально-классификаторские достижения оказались весьма скромными и попросту противоречивыми.

Иными словами, А. Тойнби помимо своей воли должен был дать синтез христианского понимания истории, уходящий в глубины рационалистического интуитивизма, с привычными для научного сообщества приемами логического рационализма, соединенными, и достаточно произвольно, с методами прикладного исторического исследования.

Если при решении первой части задачи А. Тойнби достиг только высот конституирования «научной задачи», то решение второй части сопровождалось выдвижением здоровой концептуальной основы о доминантном влиянии географической среды на историю, в рамках которой он достигает определенных результатов и прежде всего ему удастся не ситуативно, но принципиально преодолеть расизм. Тойнби удастся продемонстрировать социально-конструирующую роль категории «мимезиса», отметив ее стереотипную роль подражания в примитивных обществах, и открытую творческую природу в цивилизационной среде. Однако, намеченный теоретический результат не состоялся по известным уже причинам, приведшим к неудачному применению непродуманного принципа. К сожалению, Тойнби

пришлось скомпрометировать плодотворную научную идею слабой аргументацией. Действительно, нащупав очень важную связь в виде соотношения человека с ландшафтом, как основополагающий тезис исторического постижения, он неизбежно вовлекся в режим его конкретно-исторической иллюстрации, но объемно и содержательно раскрыть его он не смог.

Диаметрально противоположную схему объяснения детерминации исторического процесса предложил Л.Н. Гумилев, основные принципы которого наиболее четко он изложил в своей монографии «Этногенез и биосфера Земли» [5, с. 202-639]. Свою концептуальную основу Гумилев Л.Н. строит методом «от противного» по отношению к уже рассмотренной исторической теории А. Тойнби. Прежде всего Гумилев не согласен с принципом мимеса, который, как известно, играл у Тойнби роль системообразующего центра исторического объяснения. Если А. Тойнби все сводил к моменту раздваивания исторической реальности, усматривая в последней либо форму примитивного общества, либо форму цивилизации, то Гумилев Л.Н. обратился к традиционной форме детерминистского построения, когда причинно-следственные связи абстрактно восходят к какому-то внешнему по отношению к объекту, в данном случае – истории, причиняющему фактору.

Свой выбор Гумилев Л.Н. останавливает на принципе пассионарности, который строго случайно, с научной точки зрения, воздействует на процесс аккумуляции биохимической энергии, вызывая, в свою очередь, этносоциальные сдвиги в истории («всплески пассионарности»), которые запечатлеваются в той или иной культурной или анткультурной системе. Последняя, по Гумилеву Л.Н., покупается ценой разрушения этноберегающих ландшафтов.

Апелляция Л.Н. Гумилева к естественному причинению истории, а таковым и является принцип пассионарности, с одной стороны, является невольным методологическим и теоретическим реверансом в адрес школы географического детерминизма, позиции которого в славянском мире были весьма прочными, с другой – выступает свидетелем, пусть и невольного, возврата к уже упоминавшимся принципам научного построения в стиле Г. Риккерта. Последнее обстоятельство было особенно обременительным для концепции Л.Н. Гумилева, т.к. неизбежно вызывало внутреннее столкновение политических и идеологических принципов объяснения, которое порождало внутреннюю сумятицу в аргументации. Видимо не случайно, что Д.С. Лихачев, приверженец классических построений в науке, обратил внимание на неточности в корректно-исторической аргументации Л.Н. Гумилева, вызванные внутренним рассогласованием принципов объяснения. Дело даже не в том, что Л.Н. Гумилев неточно воспроизводит тот или иной, скажем, фрагмент новгородской летописи, важнее другое. Натолкнувшись в ходе своих научных разработках феномен хронологической несоразмерности переходных эпох, когда история выводит нас из одного формационного измерения и подводит к другому, он должен был либо прибегнуть к методу конкретно-исторической индикации, указывая на тот или иной хронологический маркер, т.е. собственный признак исторического промежутка, так в подобных случаях поступал Н.И. Конрад [6, с. 454], либо выстраивать общее объяснение характера течения исторического процесса. В последнем случае Гумилеву Л.Н. надо было предъявлять новую концепцию философии истории, в которой одновременно работали бы и номотетические и идеографические правила объяснения.

Выбранный Гумилевым Л.Н. путь объяснения истории был сведен, таким образом, к модели линейно-детерминистского истолкования соприкосновения природного фактора энергетического плана («пассионарности») и социальной среды.

По Гумилеву Л.Н., природа пассионарности, восходящая к учению В.И. Вернадского о биосфере, разворачивает свое содержание в следующих фазах: 1) пассионарный подъем и перегрев; 2) смещение; 3) надлом; 4) инерция; 5) обскурация; 6) мемориальная [5, с. 440-547]. Подробно остановившись на характеристиках каждого их этапов, автор, по логике вещей, должен был найденный стадийный признак универсально применять в историческом анализе. Однако, как только он пытается это сделать – не важно прибегал он к дешифровке историографических материалов, касающихся истории средневекового Новгорода, то ли соприкасался с материалами истории Золотой Орды – конструктивно теряли свою органическую целостность. Собственно говоря, именно на это обстоятельство, по нашему мнению, и обратил внимание, как уже отмечалось выше, Д.С. Лихачев. Здесь возникает весьма любопытная познавательная ситуация, когда исследователь одновременно обнаруживает себя и на теоретическом, и на эмпирическом уровне предъявления действительности. Сам по себе этот эффект раздвоенности исследовательской позиции был в какой-то мере опознан и освоен наукой классического периода. Хотя бы бегло, но мы уже об этом говорили, важнее другое: какой выход из этой ситуации предлагает современная мысль. Она оказывается зажатой в тисках одномерного мышления, производя позицию характерную для А. Тойнби, когда, восходя к фиксации исторического типа диалоговой формы «Вызов – Ответ», мы приближаемся к признанию мистической роли Творца. Таким образом, рациональное зерно концепции полностью растворяется в мистике как таковой, либо мы оказываемся внутри линейно-детерминационного монизма, предполагаемого Л.Н. Гумилевым. В последнем случае и возникает путаница с основополагающими признаками: то они воспринимаются в номотетическом

ключе (например, «пассионарность» – Л.Н. Гумилева), то выступают в качестве идеографической интерпретации действительности («воля Творца» А. Тойнби). Справедливости ради укажем на то, что авторы пытаются размежеваться и в теории и в методологии, но в плане способов интеллектуального конструирования своих концепций они занимают скорее партнерские позиции, – нежели – действительно противостоят друг другу [5, с. 173-176]. Содержательный аспект сравниваемых концепций, конечно, не аутентичен, но лежит примерно в одной плоскости понимания природы, времени, заложенной еще Августином Блаженным.

Различают три основным момента исторического бытия: «прошлое», «настоящее» и «будущее». Очевидность подобного разделения времени не вызывает внутренних колебаний, указанных автором, но выглядит безопасной только на первый взгляд. Во-первых, здесь уже «законсервирован» известный парадокс времени Августина, который известным христианским мыслителем был извлечен из принципа линейного временного следования. Сам по себе этот парадокс неудобен, но преодолим. Авторы XX столетия об этом, конечно, знали, но осуществляли преодоление по-разному, однако, всегда в рамках уже упоминавшейся нами линейной модели, что, в конечном итоге, приводило к новой форме осознания все того же противоречия. Это обстоятельство, на наш взгляд, и повлияло на возникновение уже цитировавшейся выше раздраженной мысли М. Вартофского о странном союзе метафизики и современного знания.

Если заглянуть в глубину мышления исторических авторов, то можно прийти к выводу о том, что, несмотря на все внешние и внутренние теоретические различия, различные подходы к языку изложения и т.п. их консолидирует принадлежность к линейной, двухзначной логике, разработанной еще Аристотелем. Провозглашенный Ф. Бэконом «Новый органон», по сути, так и остался одномерным, изменив только соотношение дедукции и индукции в обратную сторону, поскольку саму проблему логической множественности и неоднозначности представления действительности в науке, тем более в исторической, он не затрагивал.

Новое и Новейшее Время сделало все от него зависящее, чтобы хотя бы внешне облагородить проблему объяснения рождения нового в истории, но устами неистового Ф. Ницше смогло выразить только свое бессилие, пусть и по частному поводу; утверждая, что самое искусство дано человеку, чтобы не умереть от истины. Развивая мысль, Ф. Ницше говорит о том, что человек обречен страдать от прошлого культуры: «Скорбно смотрит он на будущее: он знает наперед, что его потомки, подобно ему, будут страдать от прошлого» [7, с. 372]. Исторический пессимизм Ф. Ницше становится понятней, когда мы погружаемся в мир его рассуждений о двухмерном мозге. Двухмерность мозга мыслилась Ф. Ницше, как необходимое условие, разделение его функций на две половины. Одна была нужна для восприятия науки, другая – не-науки. Получалось так, что первая половина была источником силы, а вторая – регулятором человеческих чувств и страстей. Эти половины должны были быть отдельными и замыкаемыми и исключать одновременно всякое смешение. Тогда получается, что научная часть мозга предупреждает дурные и опасные последствия перегрева чувств, а эмоциональная, наоборот, вызывает рост страстей и иллюзий. Сбалансировать эти качества человеческой головы едва ли возможно, как вряд ли возможно объединить в один кластер атрибутивные и экзистенциальные суждения в классической логике. Ф. Ницше буквально ощущает действие этого логического ограничения и потому раздражен, как философский аристократ духа, «холодными ножевыми ударами силлогизмов», которые наносятся чернью. Бунт Ф. Ницше вызван смутным восприятием логического дискомфорта, который рождался в нем и закреплялся в его творчестве. Это внутреннее состояние беспокойства нужно было реализовать в виде логического порыва нового содержания в будущее, но философ-бунтарь избирает иной путь, приносящий ему сомнительные лавры европейской Пенелопы.

Немецкий философ понимает, что картина будущего, вышедшая из-под его пера, безрадостна, и потому выражает сомнение относительно достаточности накопленных историческим человеком сил, чтобы пронзить собою будущее [7, с. 374].

Нам, в настоящее время, стоящим на исторической меже, совсем не безразличен вывод историка и, как никогда, пожалуй, потребен спокойный, взвешенный и объективный подход к познанию окружающей реальности. Он, скорее всего, пролегает на путях организации многомерного представления и анализа действительности. Определенные попытки взять барьер многомерности в тех или иных видах уже производились. Вспомним в этой связи опыт освоения литературного поиска в виде гипертекста, усилия сюрреалистов в художественном процессе, постмодернистские устремления в философском творчестве XX века. Однако ясный, не вызывающий сомнения, результат, хотя бы в одной области человеческого измерения, так и не был получен и ощущения турбулентности исторического процесса, с которого мы и начали, увы, не проходит.

Дело, по всей вероятности, заключается в том, что инструментальное обеспечение исторического познания нужно кардинально изменить. Во-первых, нужен не декларируемый, но реально осуществляющийся переход на рельсы многомерной логики. При этом переход должен происходить не в форме человеческого утверждения: «Истинно для своего времени», а в виде осознанного выбора того

или иного многозначного модератора. Причем переход должен производиться сразу во всех отраслях знания и духа. Здесь принципиально сложен уже вопрос о приоритетных научных дисциплинах, а если вопрос ставить еще шире?

Во-вторых, еще более сложный вопрос о выборе значности логики нового типа. Сейчас уже известны и 32-значные модели, но как они аппроксимируются на те или иные фрагменты знания, или, может быть, у каждого звена мира своя логика? Пока мы отталкиваемся от универсального логического основания, стоящего на 4 принципах или законах логики, однако степень их укорененности в любой частный процесс далеко не очевидна сегодня.

Не менее запутанным выглядит вопрос о модальностях суждения, хотя к их изучению логики вплотную обратились в 50-х годах прошлого века. Изначально, определенные успехи, благодаря прежде всего Ивину А.А., были достигнуты в области разработки аксиологических и временных модальностей. Во многом эти достижения были связаны с возрастающим объемом и качеством правового регулирования социальной реальности. Возникшая здесь эйфория по поводу оценки достигнутых результатов в различных областях практики, и прежде всего в правовой области, довольно быстро переменялась в отрицательную сторону. Стало очевидным, что требуются дисциплинарные усилия не отдельных специалистов, а организация широкомасштабных и многопрофильных социальных проектов, которые действуют не ситуативно, а включаются на длительные временные интервалы.

Помимо чисто научных трудностей, в этой связи обнаружились и проблемы экономического характера. Речь, в первую, очередь, идет об адресности, объемах, сроках, источниках и способах финансирования. Своеобразная постановка вопроса, когда одно по форме вопрошание включает в себя пять (!) разных недоумений.

Но если даже допустить возможность наступления скоротечной развязки клубка финансовых проблем (спонсорство? государственный проект? фонд?), не совсем ясным остается способ решения теоретико-методологических вопросов.

По нашему мнению, решающим направлением здесь должна быть разработка деонтической модальности, хотя бы потому, что юриспруденция превратилась в мощный источник и условие общественного развития. Логика оценок и логика норм, в частности, должны быть спроецированы на огромное нормативное пространство, измеряемое десятками тысяч норм, и при этом добиться соблюдения не только простой формально-логической последовательности, но и возможного устранения конфликтующих норм. При этом разработка самих аксиологических и нормативных модальностей следует в тесном соседстве с содержательной разработкой критерия «разумности» их построения и применения. Видимо, А.Тойнби был прав при утверждении того, что «Ответ», взятый в связи с «Вызовом», всегда толков.

Очевидно, что решение указанной задачи должно синхронно сопровождаться квалифицированными научными поисками в областях широкоинструментального обеспечения развития гуманитарного знания: начиная от разработок логических оснований языка и кончая выработкой современного понимания принципа переходности, включая и разработку всех известных здесь парадоксов.

Решение поставленных задач достигает истинных целей, когда их реализация будет не только инструментально обеспечена, но соответствующим образом теоретически подкреплена.

Выявленные выше проблемы в построениях А. Тойнби или Л.Н. Гумилева вызваны не только слабым обеспечением междисциплинарного взаимодействия и логической проработки материалов (кстати говоря, в современных вузах мы недопустимо ослабили логическую подготовку студентов), но и в целом весьма поверхностным системным обеспечением, когда авторы, как было показано, заботились в лучшем случае о внимании к линейной подгонке своих тезисов, не вдаваясь в уточнение и в углублении тех или иных аспектов своих концепций. Их результаты, как и нераскрытое резюме Ф. Ницше, нам уже известны.

Мрачным историческим предсказанием Ф. Ницше, не дано будет сбыться в том случае, если мы будем предаваться не мечтаниям об очередной камере человеческого мозга (вспомните миф о существовании детей-индиги), а приступим к упорной целенаправленной работе в указанных разрезах.

Решение проблемы разработки модальностей, на наш взгляд не стоит узко канализировать и превращать, таким образом, в проблему аксиологии или проблему нормативистики. Если это произойдет, то мы будем вынуждены вернуться к концептуальным конструкциям Канта, Гегеля, Маркса, Гумилева и т.д., лишь по-разному акцентируя то или иное направление детерминации, либо вновь вернуться к исторической эссеистике А. Тойнби, все глубже погружаясь в мир иррациональных мыслей.

Библиографический список использованной литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Прогресс, 1991. — 442 с.
2. Эткинс П. Порядок и беспорядок в природе / П. Эткинс. — М.: Мир, 1987. — 224 с.
3. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории / С. Вайнберг. — М.: УРСС, 2004. — 256 с.
4. Вартофский М. Структура и развитие науки / М. Вартофский. — М.: Прогресс, 1978. — 312 с.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. — СПб.: Кристалл. — 639 с.
6. Конрад Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. — М.: Наука, 1966. — 560 с.
7. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. — М.: Мысль, 1990. — Т.1. — 712 с.

Поступила в редакцию 1.02.2011 г.

Коркишко О.П. Про багатогранність історичного розуміння

В статті аналізуються основні тенденції розвитку теоретичних і методологічних установок гуманітарного знання у XIX – початку XXI ст. у галузі філософії історії: від лінійної екстраполяції до багатовимірного аналізу.

Ключові слова: теорія і методологія філософії історії, лінійний детермінізм, багатовимірна логіка.

Korkishko A.P. On the diversity of historical understanding

The main tendencies of development for theoretical and methodological purposes of humanitarian knowledge in the XIX–XXI centuries in the field of philosophy of history: from line extrapolation to multi-dimensional analysis are analyzed in the article.

Keywords: the theory and methodology of historical philosophy, line determination, multi-dimensional logic.